

Идеи и жизнь

СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ЭМИГРАЦИИ

Нѣтъ ничего ошибочнѣе, чѣмъ, сдѣлавъ десять лѣтъ тому назадъ извѣстные выводы о характерѣ русской эмиграціи, думать, что эти выводы примѣнимы и къ тому положенію, въ которомъ она находится сейчасъ.

За это время не только новое поколѣніе вошло въ жизнь, — и людямъ прежнимъ пришлось перелицеваться, перемѣниться, приспособиться къ окружающей новой обстановкѣ, почувствовать себя колесикомъ въ совершенно иной машинѣ, нежели та, въ которой они были раньше. 8-10 лѣтъ тому назадъ на французскій берегъ ступили воины, галлопольцы, казаки, — осыпали, вросли въ новую землю, колонизовали ее, — и обернулись фермерами, таксистами, грузчиками, ажюстерами, персерами и т. д. И не пужно быть особенно догадливымъ, чтобы предположить, что десятилѣтній срокъ нѣсколько измѣнилъ ихъ прошлую психологію: померкли старые идеалы, мечта задержалась мглой, а реальная жизнь изо дня въ день настойчиво твердитъ новую лѣснь, приучаетъ къ себѣ.

Мы всѣ привыкли говорить, что дальнѣйшая судьба Россіи опредѣлится отъ того или иного разрѣшенія социальнаго вопроса, и не замѣчаемъ, что это положеніе относится не только къ Россіи, — оно имѣетъ точно такую же силу и для эмиграціи. Судьба эмиграціи до конца опредѣляется социальнымъ вопросомъ. И въ попыткахъ разрѣшенія его происходятъ сдвиги, которыхъ можетъ не замѣчать только очень близорукій или предвзятый наблюдатель. Иногда эти сдвиги поражаютъ своей прихотливостью и неожиданностью. Можно было бы разбить на двѣ категоріи отношеніе эмигрантовъ къ социальному вопросу. Наименѣе тронуты имъ, наиболѣе сохранили свои старые взгляды и навыки тѣ изъ эмигрантовъ, кто борется съ жизнью въ одиночку. Для такихъ людей все, происшедшее съ ними, — нѣкая личная катастрофа. Они выброшены во враждебный міръ, они противопоставляютъ себя, иностранцевъ, русскихъ, одинаково чуждому міру работодателей и рабочихъ, мѣстныхъ людей, французовъ. Эксплуатація работодателей идетъ параллельно съ конкуренціей французскихъ рабочихъ. И при такихъ условіяхъ социальныя трудности воспринимаются скорѣе, какъ національныя трудности. Вся острота сознанія обращена на эту свою національную

униженность. Французы эксплуатируют меня, русского, французы конкурируют со мной, русским. И ты и другие противостоят мне, объединенные национальным признаком. Незнание языка, несъисчиваемость в быту еще больше углубляет эту национальную пропасть и не дает возможности угадать ее несколько иную природу. Дальше, такой одиночка, общаясь вне своей работы с другими русскими одиночками, несмотря на огромное разнообразие их социального положения, чувствует с ними только известную общность — общая церковь, общий язык, общие воспоминания, общая организация, общая столовая, общая библиотека, общие газеты. И деление на «мы» и «они» строго придерживается лишь национальной линии. Можно сделать абсолютно точный вывод, — чем больше работа эмигранта идет в одиночку, тем меньше ощутительны в нем социальные сдвиги, тем лучше он сохранился.

Вторая категория производит иногда совершенно парадоксальное впечатление. К ней относятся русские люди, работающие организовано, большими группами в одном и том же предприятии. Парадоксальность их положения заключается в том, что, к каким бы союзам и организациям они ни принадлежали, объединяясь национально, они вместе с тем объединяются и социально.

Представим себе, например, какую-нибудь группу воинского союза, работающую в одном и том же предприятии, живущую в одной и той же казарме, имеющую один и тот же стол и т. д. — и, наконец, противостоящую одним и тем же работодателям. Французский мир оборачивается к такой группе русских рабочих одной своей стороной: французы — работодатели, эксплуатируют, плохо кормят, построили сырую казарму и т. д. Конкуренция французских рабочих чувствуется мало, или даже совсем не чувствуется. И получается парадоксальное положение, при котором национальное совпадает с социальным. Очень часто процесс этот носит яркий и законченный характер. Еще чаще он, так сказать, прикрывается псевдонимом: отстаиванием национального достоинства и национальных интересов именуется отстаивание социального достоинства и социальных интересов. Стремление к правде социальной имеет псевдонимом стремление к правде национальной. Конечно, существование такого псевдонима не вечно, — очень быстро вещи начинают называться своими именами, и социальный вопрос все больше и больше становится самым злободневным вопросом русской эмиграции. Можно сказать даже так: тот факт, что развивается он первоначально не под своим собственным именем, а под псевдонимом всеми признаваемой и жгучей идеи национального, — этот факт в конечном результате дает ему отпечаток чего-то вполне доброкачественного, благонамеченного, легального. Защищать честь русского имени есть долг каждого национально мыслящего русского человека, — не его вина, если честь русского имени попирается на рабочем фронте, и достоинство его, как ра-

бочаго, совпадает с его русским достоинством. Он и рабочее свое состояніе должен защищать так же, как и всякое другое, связанное с русским именем. Не крадучись, не контрабандой, а по самой золотой и широкой дорогѣ національнаго сознанія входит в эмигрантскую жизнь социальный вопрос.

И парадоксальным и неожиданным результатом эмигрантскаго существованія надо считать именно эти социальные сдвиги.

А из этого, может-быть, необходимо сдѣлать и нѣкоторые болѣе существенные выводы: нигдѣ и никогда не бывало, чтобы люди интеллигентные, зачастую бѣлоручки в прошлом, привыкшіе только теоретизировать, — вдруг оказались в трудовой гущѣ жизни. Нигдѣ и никогда не бывало, чтобы всю рабочую жизненную тягу приняли на себя люди, по своей культурной подготовкѣ способные сдѣлать всѣ выводы из этого своего положенія. Не кто-то посторонній, обуруаемый мировой скорбью, должен прійти и объяснить русскому рабочему его социальное положеніе и его социальные задачи, спотыкаясь в правильном пониманіи будничных особенностей и практических данных этого положенія, — сам русскій рабочий в огромном большинствѣ своем способен не только обывательски расцѣпить свое положеніе, но и сдѣлать из этого всѣ нужные выводы и обосновать эту расцѣпку теоретически.

И русскому эмигранту-рабочему не только Маркс, но и Ленин покажется бѣлоручкой, барином, строящим социальные потемкинскія деревни, — не органически сросшимся с рабочей жизнью, а со стороны теоретизирующим о ней.

Органичность роста интереса к социальному вопросу подтверждается еще одним отрицательным признаком: социальный сдвиг в русской эмиграціи огромен и плодотворен, — а на ряду с этим нѣтъ никакого политическаго сдвига. Если в области политических настроеній и наблюдается нѣкоторое измѣненіе, то его можно было бы характеризовать лишь как вывѣтриваніе политических интересов. Политически эмиграція осталась такой же, как была, только страсти утихли, краски выцвѣли, рѣчи стали тише, интерес исчез. Если старья слова и повторяются, то скорѣе из чувства вѣрности и честности, как нѣкія общепризнанныя прописи, — но духа стараго в них нѣтъ.

Есть еще одно очень распространенное явленіе в эмиграціи, внутренняя подоплека котораго также связана с социальными сдвигами, происходящими в ней. И любопытно, что и это явленіе протекает также в извѣстной степени под псевдонимом. Дѣло в том, что даже самыя поверхностныя наблюденія дают безконечный матеріал для темы «город и деревня», — точнѣе, «Париж и провинція».

Русскіе провинціалы давно и прочно противопоставили себя русским парижанам, и это противопоставленіе зачастую принимает очень острый и нетерпимый характер, — дѣло идет, если не о ненависти, то о большом недоброжелательствѣ, матеріала для котораго, к со-

жалънѣю, болѣе, чѣмъ достаточно. И тут падают перегородки всяческихъ убѣжденій: не любятъ Парижа праваго, лѣваго, военнаго, штатскаго, благотворительнаго, политическаго, — и всѣхъ представителей этихъ разнообразныхъ парижскихъ группировокъ мажутъ однимъ миромъ.

Думается, что процессъ этотъ чрезвычайно естественъ и неизбѣженъ. В провинціи прочно укоренились взгляды, что всѣ организациі львиную долю своихъ средствъ и возможностей даютъ парижанамъ. Попро-буй провинціалъ устроить своихъ дѣтей въ пріютъ, или поступить со стипендіей въ высшее учебное заведеніе, или попасть въ санаторію, — отказъ почти неизбѣженъ. Есть огромныя скопленія русскихъ въ провинціи, тысячи людей, — почти ни одинъ изъ нихъ не пользуется помощью центральныхъ организациі, а вмѣстѣ съ тѣмъ подписныя листы этихъ организациі присылаются въ такія мѣста и заполняются, пусть бѣдно, — ими. И на основѣ многочисленныхъ наблюденій такого рода, растетъ убѣжденіе, что Парижъ — это своего рода бѣженская аристократія, которой очень мало дѣла до своего народа — провинціальной эмигрантской массы. Тамъ и культурная жизнь, и жизнь политическая, и организациі работаютъ, и благотворители собираютъ средства, — но все это не для насъ, мы нужны только какъ «масса». Не хотятъ видѣть, что и у насъ могутъ быть и духовныя и матеріальныя нужды и потребности. Такъ разсуждаетъ огромное большинство провинціаловъ, — и надо признаться, что опровергнуть ихъ точку зрѣнія очень трудно, такъ какъ факты говорятъ всегда за нихъ.

Но даже не касаясь фактической правильности такого взгляда на Парижъ, надо его учесть также съ точки зрѣнія роста социальныхъ запросовъ, возникающихъ въ эмигрантской средѣ. Вѣдь, въ концѣ концовъ это не что иное, какъ острое ощущеніе социальной несправедливости, распространяющейся въ данномъ случаѣ и по національной линіи. Было время, когда считалось совершенно естественнымъ существованіе въ Парижѣ лидеров, вождей, представителей разнообразныхъ организациі, — и существованіе на совершенно иную ногу, чѣмъ существованіе рядового эмигранта; было время, когда допускалось, что кто-то имѣетъ право говорить и представительствовать отъ имени этой эмигрантской массы, — теперь отношеніе рѣзко перемѣнилось, и всяческое представительство котируется, какъ постепенное отслоеніе эмигрантской аристократіи, оторванной отъ жизненныхъ интересовъ массъ и живущей совершенно обособленною жизнью, въ которой масса абсолютно не заинтересована. Не нужно даже давать оцѣнку такимъ настроеніямъ, — важно знать, что они существуютъ, что они захватываютъ огромное большинство эмиграціи. И пусть производятъ оцѣнку и дѣлаютъ выводы изъ этого положенія тѣ, кого это касается, и въ чьей силѣ хоть что-либо измѣнить.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рисуя весь процессъ, происходящій сейчасъ, неизбѣжно сдѣлать изъ него и выводы, столь же парадоксальныя, какъ и онъ самъ.

Росту социального сознания и творческому подходу к разрешению социального вопроса способствует всякая без исключения эмигрантская организованность, — лишь бы она действительно, подлинно «организовывала» жизнь, — почти безразлично, на каких принципах она организовывает. Важно, что организовывает она рабочих людей, сколачивает их в крепкие группы, связанные не только национальной, но и социальной общностью интересов. Остальное за них дѣлает жизнь. И в этом смыслѣ не только внутрирусский вопрос есть социальный вопрос по преимуществу, но и эмигрантский вопрос есть также по преимуществу вопрос социальный.

Все это, конечно, очень благоприятный показатель для тѣх, кто любит говорить о миссии эмиграции, — благоприятный, потому что таким положением вещей предопредѣляется творческая чуткость эмиграции в разрешении социального вопроса. Жизненно, опытно, выстраданно сможет она подойти к нему.

Тут только надо оговориться: к сожалѣнію, не вся эмиграция прошла такую школу, и, может-быть, именно тот, кто особенно много и часто говорит о миссии эмиграции, по существу не способен отойти от старых позиций и далек от подлинного эмигрантского мироощущения, так как никогда не наблюдал, как русский и социальный вопрос практически совпадают. Все сказанное может относиться только к людям пореволюционного сознания, — от имени же эмиграции всего чаще говорят люди сознания дореволюционного, — безразлично каких взглядов: никакіе дореволюционные взгляды не гарантируют от того, чтобы все забыть и ничему не научиться.

Е. Скобцова.

О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Мнѣ хотѣлось бы обратить внимание русского зарубежья на литературную дѣятельность небольшой, но живой, талантливой группы молодых безпартийных политиков, объединившихся вокруг издательства «Eugen Diederichs» и издающих имѣющей большой успѣх журнал «Die Tat» (Дѣйствіе). Последній номер этого журнала разошелся в количествѣ 20.000 экземпляров, что представляет собою небывалый для научно-публицистического журнала тираж.

1. FERDINAND FRIED. «Das Ende des Kapitalismus» (Конец капитализма). Eugen Diederichs Verlag. Jena.

Книга Фрида представляет собою переработку цикла статей, печатающихся в «Die Tat». Тот радикализм, с которым Фрид обруши-